

Политические проблемы храма Ясукуни

© 2010

В. Гринюк

В синтоистском храме Ясукуни дзиндзя обожествлены военнослужащие японских вооруженных сил, погибшие за императора в войнах в период с 1868 до 1945 г. До 1945 г. Ясукуни служил инструментом воспитания населения в духе национализма и милитаризма. В послевоенный период он утратил статус государственного храма, однако сохраняет влияние как символ националистических ценностей. При храме действует музей, экспозиция которого оправдывает политику милитаризма. Либерально-демократическая партия Японии стремится превратить Ясукуни в государственное святилище, широкие слои японского общества выступают против, защищая свободу совести и антивоенные принципы. В зарубежных странах (прежде всего в КНР и Республике Корея, а также в США и Германии) эксперты отрицательно реагируют на то внимание, которое японские политические лидеры демонстративно выражают в отношении Ясукуни. В такой позиции правящих кругов страны усматривают нежелание дать четкую негативную оценку политике агрессии и колониального господства Японской империи.

Ключевые слова: Ясукуни дзиндзя, синто, государственный синто, милитаризм, военные преступники, официальные посещения Ясукуни.

Проблемы, связанные с храмом Ясукуни, после окончания Второй мировой войны приобрели политическое значение и играют довольно заметную роль в отношениях Японии с зарубежными странами, особенно с теми из них, которые понесли в результате японской агрессии огромные человеческие и материальные потери. Следует обратить внимание на то, что в публикациях встречаются упоминания об этом храме как о месте захоронения главных японских военных преступников, казненных по приговору Международного военного трибунала по Дальнему Востоку. Однако это ошибка, на самом деле в Ясукуни нет никаких могил¹.

Прежде чем рассматривать вопросы, связанные с этим храмом, было бы полезно разобрать несколько понятий, составляющих для них своего рода контекстную среду: синтоизм, государственный миф, государственный синто и "кокутай".

В основе японской национальной религии синтоизм (от японского слова "синто", что означает "путь (или учение) богов") лежит культ божеств природы и предков. В традиционных синтоистских представлениях о божествах не прово-

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124-08-28.

дится четкого разграничения между богом и человеком, и дух человека не воспринимается как нечто принципиально отличное от духов, сокрытых в природе.

Основное содержание японской национальной религии составлял коллективный обряд, связанный с деятельностью членов сельскохозяйственной общины и обслуживавший средствами магии их производственные нужды. Функции жреца, руководившего отправлением коллективного обряда, и политического руководителя общины не могли быть четко разграничены. В древнем японском государстве указанные представления нашли свое выражение в концепции единства обряда и управления делами государства. Эта концепция наиболее ярко воплотилась в лице правителя страны, совмещавшего функции верховного жреца и политического лидера².

Важной составной частью синтоизма являются мифы о рождении Японии и о божественном происхождении японских императоров, изложенные в древних летописно-мифологических сводах “Кодзики” — “Записки о деяниях древности” (712 г.) и “Нихон секи” — “Анналы Японии” (720 г.). В той их части, в которых описывается так называемая “эпоха богов”, говорится о первобожествах Идзанаги и Идзанами, о ведущей от них свое начало богине солнца Ааматэрасу, и о схождении с небес Ниниги-но микото — внука Ааматэрасу. Первым человеком — правителем Японии считается легендарный император Дзимму, великий внук Ниниги-но микото. Согласно легенде, Дзимму правил в 660–585 гг. до новой эры.

Созданный на основе синтоизма религиозный культ государственный синтоизм с центральной идеей божественности императора стал ультранационалистической идеологией, одним из постулатов которой является идея об исключительности японской нации. В синто и, в частности, в мифологии о возникновении Японских островов, просто нет места ни для кого, кроме японцев. Постулаты государственного синтоизма, которые были выстроены и базировались на националистическом потенциале древней мифологии, возникли в конкретных исторических условиях Японии в период после реставрации Мэйдзи (1867–1868 гг.). Позднее “открытие” Японии поставило перед властвующей элитой страны задачу приобщения к современной западной цивилизации при сохранении национальной идентичности. При этом японские правящие круги исходили из того, что страна может сохранить свою независимость и обеспечить для себя достойное место на международной арене только в том случае, если будет проводить империалистическую политику. Напор молодого японского империализма создал спрос на националистическую идеологию. Но для формирования ультранационалистической государственной религии необходимо было дополнить синто другими элементами. Видный российский востоковед Г. Комаровский отмечал, что в первые два десятилетия после событий 1867–1868 гг. политика японского правительства в области религии была изменчивой. Сначала курс на превращение синто в государственную религию и на возрождение его религиозной практики сопровождался преследованием буддизма и запрещением христианства. Затем было принято более терпимое отношение к буддизму и христианству и даже признана свобода вероисповедания. В итоге синто был выделен из числа других религий в качестве государственного обряда и занял главенствующее положение по отношению к другим религиозным направлениям. Такой изоциренный подход правительства дал возможность формально объявить свободу вероисповедания. Но, действуя под контролем властей, религиозные группы по существу дополняли синто функциями, которых он был лишен. Так синто — нерелигия превратил-

ся в своеобразную государственную религию, не знающую аналогов в истории религий мира³.

Для распространения государственного синто использовались все возможности государства, прежде всего учебные заведения и пресса. Императорский рескрипт об образовании, опубликованный 30 октября 1890 года, по существу стал каноном государственного синто. Американский исследователь Д. Холтом приводит любопытные примеры пропаганды государственной идеологии. Так, доктор С. Фудзии, профессор университета Васэда и директор Института изучения национальной политики в Азии, в марте 1940 г. писал в одном из японских журналов: “В статье 3 конституции нашей страны провозглашено, что тэнно (император) священен и неприкосновенен... Эти две характерные черты (священность и неприкосновенность) не только проявляются в историческом факте правления в Японии одной непрерывной линии правителей. Есть и другое историческое свидетельство — отсутствие фамилии у императорской семьи, в отличие от монархических домов Европы. Это объясняется тем, что в других странах правители происходили из народа, а в Японии каждый из божественных потомков богини солнца (то есть живое божество) последовательно владели Тремя Священными Сокровищами (меч, зеркало и ожерелье бусин из яшмы. — В.Г.). Они принимались по наследству от тэнно- предшественников как символ основания страны великим имперским предком — богиней Аматаэрасу”⁴.

Американский ученый отмечал, что наряду с идеей божественности императора японцам внушали веру в то, что божественные предки охраняют Японию — “землю богов” — и ее население. “Это означает, что сами острова, народ, их расовые особенности, а также уникальные черты их национальной жизни... с самого начала получили печать созидающей воли божественных предков, предвидевших отдаленное будущее и придавших земле, расе и институтам Японии изначально божественные черты, которые должны принадлежать им вечно”⁵.

На этой основе зиждется положение о “кокутай” — об исключительности географического положения Японии, совершенстве ее государственного устройства, выдающихся особенностях национального характера японцев. По мнению Г. Комаровского, это чрезвычайно емкое понятие может быть передано словами “уникальная (японская) национальная сущность”⁶.

От “кокутай” — один шаг к идее мессианства Японии. “В основе глубокой приверженности тому, что в этой стране называют “священной войной” в Восточной Азии, лежит убеждение, что Япония послана в качестве спасителя мира... Доктрина, согласно которой национальная структура Японии — наилучшая из существующих в мире — должна вести к естественному следствию, что другие народы (помимо японского) только выиграют, если окажутся под управлением Японии” — писал американский автор⁷.

Пропаганда “кокутай” устанавливала для японцев высокую планку стандартов и воспитывала у них наряду с привычкой слепого подчинения властям также и патриотизм, чувство ответственности, дисциплинированность и организованность. Правящие круги Японии формировали положительные черты национального характера японцев. Но одновременно и злоупотребляли ими в политике внешней агрессии и колониального подчинения других народов. В результате чувство ответственности оборачивалось фанатизмом, а дисциплинированность — безжалостностью. Ультранационалистическая пропаганда в условиях свирепого полицейского режима, существовавшего в Японии до 1945 г., сочеталась с репрессиями против политической оппозиции, прежде всего коммунистов

и социалистов, но также и против диссидентов в области религии. С начала японо-китайской войны в июле 1937 г. до окончания Второй мировой войны в сентябре 1945 г. наказаниям, связанным с подавлением свободы идеологических воззрений и свободы совести, в Японии подверглись не менее 100 тыс. чел.⁸

Святылище Ясукуни ведет свое происхождение от обрядов поклонения духам людей, погибших за императора в кровавых междоусобицах до и в ходе реставрации Мэйдзи, а также в последовавшей затем войне между сторонниками свергнутого сегуна и императора. В мае 1868 г. по распоряжению правительства в Киото было построено святилище Сёконся в честь воинов, павших за императора. Затем по этому образцу “сёконся” соорудили в каждом из существовавших тогда княжеств. В 1869 г. столица Японии была перенесена из Киото в Токио, и после этого туда же перевели киотское Сёконся, которое стало всеяпонским святилищем в честь воинов, погибших в войнах. В 1879 г. оно было переименовано в Ясукуни дзиндзя, и этому храму присвоили ранг всеяпонского святилища⁹.

Помимо Ясукуни дзиндзя в систему храмов государственного синтоизма входили и региональные “сёконся”. В 1939 г. они получили новое наименование — “гококу дзиндзя” (храм в честь павших воинов. Эти 51 святилища подчинялись Управлению синтоистских храмов (Синсиин) в Министерстве внутренних дел — в отличие от Ясукуни дзиндзя, на которое распространялась компетенция Министерства армии и Министерства военно-морского флота. Несмотря на подчинение разным ведомствам Ясукуни дзиндзя и храмы в честь павших воинов соотносились как головная организация и филиалы¹⁰.

Приобщение духов погибших к Ясукуни обозначается глаголом “го:си суру”, что в переводе означает “посвящать храм двум или более богам”. Размытость границы между духом божества и духом человека в синтоизме позволяла возвеличивать погибших воинов, поднимать их до уровня “божеств”. Ясукуни означает “мирная страна”, но “мир” здесь такого же свойства, что и в случае с “министерством мира” в романе Дж. Оруэлла “1984”. Культ Ясукуни в известной мере унаследовал элементы культа “горе”, предусматривавшего успокоение душ людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах, дабы отвлечь беды, которые, как верили, души погибших могли наслать на живых. Еще со времен ожесточенных междоусобных войн средневековья повелось после каждого сражения совершать заупокойную службу по всем погибшим независимо от их принадлежности к тому или другому лагерю. Но культ Ясукуни не имел ничего общего с этой традицией. В этом святилище почитали лишь тех, кто погиб за императора.

Поскольку Ясукуни дзиндзя находилось в ведении министерств армии и военно-морского флота, его служители утверждались этими военными ведомствами. Роль главных церемониймейстеров во время праздников святилища, как правило, выполняли высшие офицеры в ранге не ниже генерала или адмирала. Охрану Ясукуни обеспечивала военная жандармерия. Обряды, отправлявшиеся в Ясукуни дзиндзя, носили форму вызова душ погибших воинов, которые спускались с неба, дабы присоединиться к тем, кто еще раньше был обожествлен в храме. Церемония вызова и встреч душ павших воинов проводилась ночью, что придавало ей зловещий характер¹¹.

В 1869 г. в токийском святилище Сёконся — предшественнике Ясукуни — объектами поклонения были души 3585 воинов, погибших за императора в гражданской войне. По мере активизации агрессивной политики Японии численность обожествленных в храме Ясукуни росла. В 1942 г. в святилище поклоня-

лись уже душам 240 тыс. погибших, а к моменту окончания Второй мировой войны перечень лиц, которым посвящен Ясукуни, насчитывал более 1200 тыс. имен¹². Сам ритуал поклонения (хайрэй) весьма прост: два поклона, два хлопка ладонями и еще один поклон.

Подписание акта капитуляции Японии перед представителями союзных держав 2 сентября 1945 г. и развал японской империи поставили под вопрос существование святилища Ясукуни. Понимая, что проводить обряд “вызова душ погибших” на регулярной основе в будущем будет невозможно, служители храма и их сановные шефы пошли на чрезвычайную меру. В ночь с 19 на 20 ноября 1945 г. в Ясукуни была проведена служба массового приобщения к храму душ всех военнослужащих императорских вооруженных сил, погибших в ходе Второй мировой войны и еще не обожествленных на тот момент. Резкое увеличение контингента “душ героев” было закреплено состоявшейся в святилище 20 ноября церемонией с участием императора Хирохито. Распорядителем церемонии выступил бывший начальник генерального штаба императорских вооруженных сил генерал Е. Умэдзу¹³.

Внесение имен погибших военнослужащих (с предварительной проверкой данных по каждому из них) в реестр святилища не могло быть проведено в те дни, поскольку требовало длительного времени. Список обожествленных пополнялся постепенно, по мере уточнения данных о погибших. В основном он сформировался к началу 1970 г. Сегодня это 2 тыс. переплетенных в традиционном японском стиле книг, в которые вписаны имена приблизительно 2 460 тыс. чел.¹⁴ Священные фолианты наряду с зеркалом и мечом — регалиями императорской власти — являются объектом поклонения и постоянно хранятся в главном помещении (“святая святых”) святилища — (хондэн). В наши дни появилась и электронная версия реестра.

На первом этапе оккупации Японии, приблизительно до конца 1947 г., американские оккупационные власти проводили в этой стране согласованный с партнерами по союзной коалиции, включая СССР, курс на широкую демилитаризацию и демократизацию. В это время была осуществлена основательная чистка милитаристских элементов, проведены Токийский процесс главных военных преступников и ряд судебных процессов в отношении военных преступников классов “В” и “С”. В стране возобновилась деятельность левых политических партий и профсоюзов, была осуществлена широкая аграрная реформа, вступила в силу демократическая, пацифистская конституция.

Серьезные меры были предприняты для искоренения ультранационалистической идеологии. 15 декабря 1945 г. штаб оккупационных войск США в Японии вручил японскому правительству директиву “Об отмене государственного покровительства, увековечивания, управления и распространения государственного синто”. Этот документ предписывал прекратить во всех государственных учебных заведениях воспитание учащихся в духе государственного синто, исключить из учебников соответствующие тексты, запрещал всем чиновникам официальные посещения синтоистских святилищ. Директива провозглашала в качестве важной цели “отделение религии от государства”. В новой конституции Японии, опубликованной в ноябре 1946 г., были закреплены принципы “отделения церкви от политики” и “свободы совести”¹⁵.

В новогоднем обращении к нации 1 января 1946 г. император Хирохито отрекся от статуса “живого божества”. Это заявление оказало глубокое эмоцио-

нальное воздействие на японцев. Оно стало мощным дополнительным импульсом к разрушению системы государственного синтоизма.

В результате отмены в конце 1945 — начале 1946 гг. всех законов, определявших особый статус учреждений государственного синто, правовая база прежде могущественного культа была уничтожена. Ясукуни дзиндзя наряду со всеми другими храмами Японии получил возможность пройти установленные процедуры и обрести положение религиозного юридического лица¹⁶. В феврале 1946 г. был оформлен статус Ясукуни дзиндзя как религиозного юридического лица, находящегося в ведении первого и второго министерств по делам демобилизации (эти ведомства были созданы взамен ликвидированных министерств армии и военно-морского флота Японии). В апреле 1946 г. состоялось первое после смены статуса святилища празднество “помещения в храм символов душ погибших”. Подобное празднество планировалось и осенью 1946 г., но штаб оккупационных войск в последний момент отменил это мероприятие. 3 февраля 1946 г. было учреждено в качестве неправительственной организации Бюро синтоистских храмов, оно объединило в своем составе все храмы в честь павших воинов, также преобразованные в религиозные юридические лица¹⁷. Следуя тенденции демилитаризации, некоторые храмы этой категории меняли свой характер — вводили новые самоназвания, проводили церемонии обожествления в храме лиц, не связанных с вооруженными силами и с войной¹⁸.

В 1948 г. под влиянием усиления позиций КПК в Китае и обострения противостояния Соединенных Штатов с Советским Союзом, США стали пересматривать отношение к Японии. Если прежде, с точки зрения американцев, это было вражеское государство, заслуживавшее наказания, то теперь Япония приобретала для Вашингтона значение важного военно-политического союзника. Поэтому в 1948–1952 гг. США проводили в Японии “обратный курс” свертывания демократических преобразований и выхолащивания мер по демилитаризации¹⁹.

“Обратный курс” оккупационной администрации проявился и в отношении к государственному синтоизму. 6 июня 1949 г. было опубликовано извещение руководителя правительственного управления по делам демобилизации. Им отменялся запрет государственным чиновникам принимать участие в поминальных службах, посвященных военным. Служители храма Ясукуни получали от правительственных учреждений данные о погибших военнослужащих и вели работу по пополнению реестра “душ героев”. 8 сентября 1951 г. состоялось подписание Сан-Францисского мирного договора, а уже 18 и 19 октября в Ясукуни и во всех храмах в честь павших воинов состоялся большой праздник с молитвами за счастливое пребывание в “другом мире” “божеств”, которым посвящены святилища. С разрешения американской оккупационной администрации, которая до официального вступления в силу мирного договора 24 апреля 1952 г. сохраняла административный контроль в стране, премьер-министр С. Есида 18 октября совершил официальное посещение Ясукуни. Его сопровождали председатели обеих палат парламента, а также министры правительственного кабинета²⁰. Таким образом, с санкции американцев было предпринято явное нарушение конституционного принципа отделения церкви от политики.

Святилище Ясукуни занимает особое место в эмоциональной жизни подавляющего большинства японцев старшего поколения. Перспектива “встретиться в Ясукуни” с боевыми товарищами после их гибели на полях сражения скрашивала довольно беспросветную долю бывших военнослужащих императорских вооруженных сил. Для родственников война его приобщение к сонму “душ героев”

в Ясукуни было честью, означало прославление павшего. К тому же близкие погибшего и внесенного в реестр святилища военнотружачаго получали от государства пенсию. При этом вопрос о его обожествлении решался без участия кого бы то ни было, кроме представителей властей, потому что воин и его душа безраздельно принадлежали императору.

Внесение в реестр Ясукуни было массовым, но оно касалось главным образом военнотружачаго и вольнонаемных лиц императорских вооруженных сил, включая медсестер, а также членов добровольческих отрядов (ополченцев). В особых случаях этой чести были удостоены немногочисленные гражданские лица (часть рабочих и работниц военных заводов, некоторые мобилизованные на оборонные работы и др.) Большинство мирных граждан, погибших во время бомбежек американской авиации, включая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, и артиллерийских обстрелов с американских военных кораблей, были лишены такой привилегии. Подобная дискриминация вызывала недовольство у их родственников. С другой стороны, в первые послевоенные годы в связи со слабым гражданским самосознанием подавляющего большинства японцев не отмечалось случаев, чтобы родственники покойных возражали против их внесения в реестр Ясукуни — например, из-за их принадлежности к христианской или буддийской конфессии.

Сразу после окончания оккупации Японии американскими войсками в 1952 г. в стране развернулась политическая борьба вокруг Ясукуни. Святилище закономерно оказалось в фокусе внимания нации: для одних это сакральный объект благоговейного почитания и символ отторжения демократических ценностей²¹, для других — олицетворение милитаристской, захватнической политики и подавления свободы совести. 6 ноября 1952 г. Японская лига защиты благосостояния родственников погибших (национальная организация, созданная в 1947 г.) на своем съезде приняла решение добиваться выделения государственных средств на проведение в Ясукуни дзидзья заупокойных служб. Съезд представил в правительство и в парламент соответствующее письменное требование. В марте 1953 г. на основе Японской лиги защиты благосостояния родственников погибших была учреждена в качестве фонда и юридического лица Японская ассоциация семей погибших на войне, объединившая в масштабах страны 2 млн семей²². Она вместе с обществами бывших военнотружачаго и некоторыми правыми организациями образовала массовую базу движения за огосударствление святилища Ясукуни.

В феврале 1955 г. организация настоятелей синтоистских храмов Хоанкай совместно с Бюро синтоистских храмов провели в Ясукуни дзидзья совещание с целью добиться придания святилищу государственного характера. Движение за огосударствление храма Ясукуни год от года активизировалось. В ноябре 1959 г. Японская ассоциация семей погибших на войне и Лига ветеранов войны (Гою рэмэмэй) развернули сбор подписей в поддержку требования предоставить святилищу Ясукуни государственную опеку. В 1960 г. в парламент было передано соответствующее требование, подкрепленное подписями 2 млн 950 тыс. японцев²³.

В середине 1960-х гг. проявилась и стала набирать силу тенденция укрепления связей между Ясукуни и храмами в честь павших воинов, с одной стороны, и японскими военными, с другой. В июле 1966 г. был зафиксирован случай, когда 160 офицеров и рядовых служащих Морских сил самообороны в униформе прибыли в святилище Ясукуни, выстроились в шеренги и по команде провели установленную церемонию поклонения божествам храма. Несмотря на отговорки, что

моряки прибыли в святилище по собственной воле и совершили моление в личном качестве, фактически это было официальное мероприятие²⁴.

В апреле 1969 г. Либерально-демократическая партия Японии подготовила проект закона о храме Ясукуни. Проект предусматривал придание храму статуса “особого юридического лица”, установление над ним контроля со стороны премьер-министра правительства и выделение для храма государственных средств. Основным назначением Ясукуни объявлялись “проведение обрядов и ритуалов для выражения почтения народа к душам героев, погибших в сражениях и отдавших жизнь во имя государства, чтобы хранить память об их добродетельных деяниях, утешать их души и превозносить их заслуги”. Тем самым святилище Ясукуни и впредь должно было с государственных позиций прославлять агрессивные войны японского империализма. Стремясь избежать противоречий с основным законом страны, авторы законопроекта внесли в его текст положение о том, что Ясукуни дзиндзя не является религиозной организацией²⁵.

План ЛДП натолкнулся на острое противодействие со стороны широких слоев общества. В мае 1969 г. организации японских христиан проводили в Токио и других городах голодовки и сидячие забастовки протеста. В этом же месяце 67 влиятельных религиозных общин Японии опубликовали совместное заявление против законопроекта, в защиту свободы совести. Союз религиозных организаций новой Японии предпринял в масштабе страны сбор подписей против законопроекта, к концу июля их было собрано 3 млн 770 тыс. 30 июля 1969 г. 238 депутатов советников парламента от ЛДП официально выдвинули законопроект в парламенте, однако это вызвало новую волну демонстраций, митингов, голодовок, сидячих забастовок по всей стране. Оппозиционные партии: Социалистическая партия Японии, Комэйто, Партия демократического социализма, Коммунистическая партия Японии выступили с заявлениями протеста. 5 августа 1969 г. законопроект был отклонен в парламенте. После этого либерал-демократы еще четырежды пытались утвердить законопроект в парламенте, но широкое сопротивление в обществе сорвало эти попытки²⁶.

Тем не менее Ясукуни дзиндзя и поддерживающая его Японская ассоциация семей погибших на войне сохранили свои позиции в качестве влиятельного оплота консервативных сил. К 1970 г. в святилище были обожествлены около одной тысячи военных преступников классов “В” и “С”, казненных в соответствии с приговорами военных трибуналов в Иокогаме, Сингапуре, Маниле, Гонконге, на острове Гуам²⁷. 17 октября 1978 г., в связи с очередным большим осенним праздником в Ясукуни дзиндзя, в реестре обожествленных в храме делали новые записи. Тогда наряду с примерно 1100 погибших во время Второй мировой войны к контингенту “душ героев” присоединили имена четырнадцати военных преступников класса “А”, казненных по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока или умерших в заключении. Этот шаг был предпринят настоятелем храма при единодушной поддержке всех десяти членов попечительского органа — “Совета представителей почитателей Ясукуни”. Их мнение сводилось к тому, что военные преступники класса “А” — “люди, отдавшие все силы служению родине”, и к тому времени они еще не были обожествлены в Ясукуни только из-за “подчинения односторонним решениям Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, навязанным зарубежными государствами”²⁸.

Руководство Либерально-демократической партии, не отказываясь от цели огосударствления Ясукуни дзиндзя, изменило тактику и стало добиваться постепенного изменения общественного мнения в свою пользу. В качестве средства

были избраны визиты политиков в святилище. Большинство премьер-министров Японии послевоенного периода посещали Ясукуни. Характер этих визитов определялся словом “сэйсики”, что означает “правильный”, “соответствующий форме”. Находясь в храме, высокие гости проходили в его главное помещение (хондэн) и там совершали ритуал поклонения. До начала 1970-х гг. в обществе не возникал вопрос об уместности этих действий премьер-министров²⁹. Однако после того, как Либерально-демократическая партия в 1969–1973 гг. безуспешно пыталась принять закон о храме Ясукуни, на визиты руководителей правительства в это святилище стали обращать серьезное внимание и японская общественность, и лидеры страны. 15 августа 1975 г., в тридцатую годовщину окончания Второй мировой войны (в Японии датой окончания войны считается 15 августа 1945 г., когда был объявлен рескрипт императора Хирохито о принятии условий капитуляции), премьер-министр Т. Мики посетил Ясукуни. Он сделал это после официального участия в общенациональной церемонии поминовения погибших в войне, по традиции проходившей в зале Нихон будокан, и в “частном порядке”. Тем не менее это было знаковое событие как первое в послевоенный период посещение премьер-министром храма Ясукуни в годовщину окончания войны³⁰.

В 1976 г. по инициативе Японской лиги семей погибших на войне было развернуто массовое движение за официальные посещения Ясукуни дзидзэя японскими политиками. В 1981 г. возникло “Общество депутатов парламента за массовое посещение Ясукуни”. Парламентарии — члены этого общества во время визитов в святилище демонстративно отказывались отвечать на вопросы журналистов относительно того, в каком качестве, личном или официальном, они его посещали³¹.

Я. Накасонэ, ставший премьер-министром в 1982 г. и провозгласивший цель “подведения черты под политикой послевоенного периода”, добивался осуществления официального визита в Ясукуни. После тщательной подготовительной работы по выбору процедуры, которая не противоречила бы принципу отделения церкви от политики, Я. Накасонэ 15 августа 1985 г. предпринял официальное посещение святилища (то есть отметился в книге посетителей как глава правительства). Однако во изменение принятого синтоистского ритуала поклонения богам Ясукуни, вместо двух поклонов, двух хлопков ладонями и еще одного поклона он ограничился лишь одним поклоном³².

Официальный визит премьер-министра Я. Накасонэ в святилище Ясукуни в сороковую годовщину окончания Второй мировой войны вызвал резкие протесты за рубежом, прежде всего в Китае и в государствах Корейского полуострова. Поэтому в дальнейшем Я. Накасонэ и другие главы правительств Японии воздерживались от посещений Ясукуни. Но в период пребывания Дз. Коидзуми на посту премьер министра Японии в 2001–2005 гг. официальные визиты японского лидера в храм Ясукуни были регулярными. Правда, он участвовал в церемониях поклонения божествам Ясукуни не в годовщину окончания войны, а во время так называемых больших весенних и осенних праздников рэйсай. Эти шаги Дз. Коидзуми привели к осложнениям в отношениях Японии с КНР и РК.

Сопrotивление японской демократической общественности ревизии принципов отделения церкви от политики проявлялось в разных формах. В сентябре 1968 г. настоятель Ясукуни получил от христианского священнослужителя С. Какута заявление с требованием исключить из реестра обожествленных в храме двоих родных братьев пастора. Это был первый в истории святилища случай, когда к его администрации обратились с подобным требованием. Какута обосно-

вывал свою позицию тем, что превозношение погибших означает приукрашивание их гибели и оправдание войны. Священник получил отказ, но затем еще дважды вместе с другими гражданами обращался с требованием аннулировать приобщение к “душам героев” имен девяти погибших. Эти обращения были также отклонены настоятелем Ясукуни со ссылкой на традиции святилища. В феврале 1972 г. на основании решения съезда Японской христианской церкви (Нихон кирисуту кекай) руководитель организации С. Ямада обратился к руководству Ясукуни дзиндзя с требованием отменить приобщение к “душам героев” четырех священников-христиан, погибших во время Второй мировой войны. Оно также было отвергнуто³³.

Начиная со второй половины 1970-х гг. японские местные суды и Верховный суд разбирают иски о нарушении конституционных принципов свободы совести и отделения церкви от политики. Истцами выступают рядовые граждане. Сначала поводом послужил факт обожествления в храме в честь павших воинов погибшего служащего Сил самообороны вопреки воле его родных. Затем предметом иска становились случаи использования средств органов местного самоуправления для оплаты участия родственников погибших в празднествах, проводившихся в Ясукуни, для проведения служб “упокоения душ” в местных синтоистских храмах и пр. По делу Ясуко Накаи, вдовы погибшего служащего Сил самообороны, требовавшей отмены его обожествления в храме павших воинов, районный суд Хиросимы в июне 1982 г. признал факт нарушения свободы совести должностными лицами военного ведомства. Однако требование отменить приобщение покойного к реестру “душ героев” не было выполнено³⁴. В некоторых случаях районные суды и Верховный суд Японии признают факты нарушения конституции местными органами самоуправления.

Мы подробно показываем перипетии борьбы вокруг Ясукуни дзиндзя и храмов в память павших воинов, чтобы показать: данный вопрос представляет собой прежде всего важную внутривнутриполитическую проблему Японии, затрагивающую основы демократии. Как отмечал почетный профессор Университета Ибараки, автор исследования о Ясукуни Синобу Ооэ, “Ясукуни дзиндзя... не только запятнано кровью с полей сражений — святилище также стоит на крови, пролитой в тюрьмах борцами против войны”³⁵. Это положение важно потому, что в обстановке интернационализации данной темы, критика из-за рубежа в адрес руководителей Японии по поводу Ясукуни может произвести впечатление необоснованного вмешательства извне в тонкую, деликатную область национальных обычаев.

Вопрос Ясукуни не может не задевать другие страны, в первую очередь ближайших соседей Японии — Китай и государства Корейского полуострова — уже потому, что государственный синто выступал орудием духовного закабаления народов Китая и Кореи. Только на Тайване было сооружено около 100 синтоистских храмов. В Корею синтоистские святилища использовали для унижения национального достоинства корейского народа. Так, построенное в Сеуле в 1919 г. — в год героического восстания корейцев против японского колониального ига — Тёсэн дзингу, являвшееся главным синтоистским храмом на территории страны, было посвящено богине Аматаэрасу, а также духу императора Мэйдзи, от имени которого была осуществлена аннексия Кореи. Культ синтоистских святилищ, совершенно чуждый религиозным традициям корейского народа, усиленно навязывался ему колониальными властями. Школьников и учителей принуждали посещать святилища, подвергая их подчас унижительной процедуре: выстро-

ившись на площади перед святилищем, они должны были часами простаивать перед ним, дабы проникнуться духом почитания новых богов³⁶. Под давлением японского генерал-губернаторства общее собрание пресвитеров Корейской христианской церкви постановило разрешить верующим посещать синтоистские храмы. Около 2000 последователей христианской церкви, игнорировавших это решение и не посещавших синтоистские храмы, были брошены в тюрьмы, более 50 из них умерли в заключении³⁷.

Кроме того, в Ясукуни не только обожествлены инициаторы и исполнители захватнической политики, но и ведется ее откровенное оправдание и приукрашивание. На территории храма находится военный музей Юсюкан, открытый еще в 1883 г. Его экспозиция посвящена всем войнам нового времени, которые вела Япония. Выставлены японские боевые самолеты, торпеды, вооружение времен японо-китайской войны и войны на Тихом океане, фотографии и личные вещи погибших военных, ставших божествами Ясукуни дзиндзя. Материалы музея изображают развязанную Японией войну с одной стороны как осуществление “миссии по освобождению народов Азии от колониализма западных держав”, с другой — как “законный акт самообороны империи”. При этом оспаривается справедливость приговоров Международного военного трибунала для Дальнего Востока, хотя, подписав Сан-Франциский мирный договор в 1951 г., Япония официально их признала. После событий 11 сентября 2001 г. администрация музея Юсюкан в оправдание агрессии против Китая стала использовать тезис о “борьбе с терроризмом”. Американский исследователь Джефф Кингстон отмечал: “Мы узнаем (из экспозиции Юсюкан. — В.Г.), что Япония сражалась против китайских “террористов”. Отсутствуют упоминания о вторжении, агрессии, резне и жестокостях, совершавшихся японскими военными в Китае... Намерения Японии якобы были “благородными, но их неправильно поняли”. Это в конце концов привело к эмбарго США против Японии, ...что вынудило бедную ресурсами страну начать войну”³⁸. По мнению Дж. Кингстона, “Музей Юсюкан только усиливает образ святилища Ясукуни как символ отсутствия у Японии покаяния по поводу ее действий в пятнадцатилетний (с 1931 по 1945 гг.) период войн в Азии”³⁹.

До краха японской империи в 1945 г. жители японских колоний (корейцы и выходцы с Тайваня) были в положении японских подданных “второго сорта”, но их мобилизовали в императорскую армию в качестве военнослужащих или вольнонаемных. По официальным данным японской стороны, до 1945 г. только в Корею были мобилизованы в качестве военнослужащих японской императорской армии 110 тыс. чел. и как вольнонаемный персонал вооруженных сил еще 126 тыс. чел.⁴⁰ Они участвовали в сражениях и в случае гибели тоже становились “божествами” храма Ясукуни.

Предпринятые Дз. Коидзуми официальные посещения святилища Ясукуни вызвали не только резкие протесты со стороны руководства КНР и Республики Корея, но и демарши на уровне народной дипломатии. После обнародования японским премьером намерения нанести визит в Ясукуни, в июне 2001 г. группа граждан Южной Кореи численностью 252 чел., включавшая бывших военнослужащих и вольнонаемных, а также родственников корейцев, погибших в составе японской императорской армии выступила с иском против правительства Японии. В исковом заявлении, переданном в токийский районный суд, содержалось требование вернуть на родину останки погибших соотечественников, выплатить бывшим военнослужащим и вольнонаемным невыплаченную часть денежного довольствия и компенсацию ущерба в размере 2400 млн йен. 55 истцов из этой

группы требовали от японского правительства отменить приобщение к контингенту “душ героев” храма Ясукуни их погибших в годы войны родственников, поскольку они были насильно включены в японскую армию⁴¹.

Японские ученые и публицисты консервативного толка расценивают международную критику позиции Дз. Коидзуми по Ясукуни главным образом как использование Китаем в дипломатической игре антияпонской карты⁴². Однако недовольство позицией Дз. Коидзуми назревало и в Вашингтоне. Видный американский эксперт по вопросам Восточной Азии, бывший заместитель министра обороны этой страны, а ныне заместитель государственного секретаря США Курт Кэмпбелл в интервью японскому журналу летом 2006 г. заявил, что многие американцы встревожены тем ущербом, который наносят имиджу Токио визиты официальных лиц в святилище⁴³. Неготовность японского руководства дать исчерпывающую оценку своему историческому прошлому, содействовать переоценке ценностей и покаянию в японском обществе в той мере, в какой это сделали немцы по отношению к нацизму, вызывает критику со стороны Германии. Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, выступая в Токио в октябре 2005 г., заявил: “У японского народа, к сожалению, в мире немного настоящих друзей... Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого”⁴⁴. По свидетельству британского историка и политолога Фила Динза, в марте 2006 г. высокопоставленный дипломат Евросоюза говорил ему, что Германия не станет поддерживать стремление Японии войти в число постоянных членов Совета Безопасности, если японская сторона не признает свою ответственность за прошлые деяния. По словам дипломата, немцы оказываются в сложном положении из-за самой возможности того, что им могут приписать такую же позицию, какую занимает в этом вопросе Япония⁴⁵.

Японские политики оправдывали посещения храма Ясукуни приверженностью национальным традициям своей страны. Премьер-министр Дз. Коидзуми по поводу своего визита в Ясукуни в августе 2006 г. говорил: “Я посетил храм не для того, чтобы оплакивать определенных лиц (военных преступников класса “А”. — В.Г.), а чтобы выразить скорбь по поводу множества людей, погибших на войне. Это существенная сторона японской культуры”⁴⁶. Но в свете истории и характера святилища Ясукуни, с учетом той борьбы, которая велась вокруг него, такие высказывания представляются лукавством. Каждое посещение храма политическими лидерами Японии было точно рассчитанным и выверенным политическим шагом. Фил Динз полагает, что визиты Дз. Коидзуми в Ясукуни укрепили его положение в ЛДП и помогли умиротворить критиков выдвинутой им программы экономических преобразований. Вероятно, он счел, что издержки во внешней политике (критика из за рубежа) составляют ту цену, которую стоит заплатить, чтобы дать ход реформам. Его шаги были адресованы небольшой, но весьма влиятельной группе политиков внутри ЛДП, склонных к пересмотру исторического прошлого с националистических позиций⁴⁷.

В июле 2006 г. были опубликованы записи руководителя Управления императорского двора А. Томита, из которых следовало, что покойный император Хирохито был недоволен включением в перечень лиц, которым посвящен храм Ясукуни, имен главных военных преступников и отказался от посещений святилища (раньше он неоднократно его посещал). Эта новость об изменении отношения первосвященника синто к Ясукуни серьезно повлияла на настроения в япон-

ском обществе. Число людей, поддерживавших визиты политических лидеров в этот храм, уменьшилось⁴⁸.

В последующем премьер-министры японского правительства, избегая главным образом критики из-за рубежа, воздерживались от посещений Ясукуни. Это позволило преодолеть кризис в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях, возобновить прерванные встречи на высшем уровне. Однако обыгрывание темы святилища по-прежнему оставалось составной частью политики японского руководства. Так, в апреле 2008 г. 62 депутата японского парламента посетили храм Ясукуни по случаю очередного большого весеннего праздника⁴⁹. 7 октября 2008 г. премьер-министр Т. Асо, отвечая в нижней палате парламента на вопрос о том, намерен ли он посетить Ясукуни, сказал, что не хотел бы давать ни положительного, ни отрицательного ответа. Он также с сожалением заметил, что “в нынешней ситуации государству запрещено выражать высшую степень уважения тем, кто пожертвовал собой ради страны”⁵⁰. В апреле 2009 г. в связи с очередным большим весенним праздником храма Ясукуни его посетили 87 депутатов верхней и нижней палат парламента. Премьер-министр Т. Асо воздержался от визита, но передал в дар Ясукуни священное дерево сакаки, ветвями которого украшают храм во время церемонии поклонения обожествленным. Министерство иностранных дел Республики Корея заявило, что этот символический поступок японского лидера “вызывает сожаление”⁵¹. Аналогичной была и реакция МИД КНР. Таким образом, руководители правительственных кабинетов Японии, представлявшие Либерально-демократическую партию, расчетливо играли на “националистической клавише”, апеллируя к сохранившимся в японском обществе настроениям уязвленной национальной гордости из-за поражения Японии во Второй мировой войне⁵².

Ситуация изменилась после прихода к власти в Японии 16 сентября 2009 г. кабинета министров, возглавляемого лидером Демократической партии Ю. Хатояма. Внешнеполитическая программа этой партии делает упор на развитие дружеских связей со странами Азии, поэтому Ю. Хатояма заявил, что не намерен посещать святилище Ясукуни, и просил членов своего кабинета также воздерживаться от визитов в храм. Премьер-министр поддерживает идею создания нерелигиозного мемориального комплекса в честь погибших на войне, который могли бы официально посещать японские политики. В Сеуле и Пекине положительно восприняли такие заявления японского лидера и выразили надежду на то, что новое японское правительство проявит конструктивный подход к проблемам истории⁵³.

За время деятельности кабинета Ю. Хатояма тема святилища Ясукуни действительно перестала быть раздражающим фактором в отношениях Японии с зарубежными странами. Однако она является частью более широкого вопроса исторической ответственности Японии и отношения к ней японского общества. Эта проблема едва ли может быть разрешена усилиями нынешнего коалиционного правительства Демократической партии, Социал-демократической партии и партии Новая комэйто. Правительственный кабинет наталкивался на серьезные трудности в проведении внутренней и внешней политики и проявлял определенную непоследовательность. Японцам будет непросто прийти к согласию в оценке прошлого своей страны.

1. *Молодякова Э.В.* Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония 2007. Ежегодник. М., 2008. С. 58.
2. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 309.
3. Там же. С. 275.
4. *Holtom D.C.* Modern Japan and Shinto Nationalism: a study of present—days trends in Japanese religions. Chicago, 1947. P. 12.
5. *Ibid.* P. 13.
6. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 279.
7. *Holtom D.C.* Op. cit. P. 19.
8. *Танака Нобумаса.* Ясукуни но сэнгоси [Послевоенная история Ясукуни]. Токио, 2005. С. 7. Можно утверждать, что руководство Японии в целом злоупотребило результатами успешно проведенной после реставрации Мэйдзи модернизации страны (достижениями в развитии промышленности, науки, образования, медицины и т. д.), используя их в милитаристских, захватнических целях.
9. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 293.
10. *Ооз Синобу.* Ясукуни дзиндзя. [Храм Ясукуни. Иванами синсе]. Токио, 2005. С. 162–164.
11. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 294.
12. Там же. С. 295.
13. *Мураками Сигэеси.* Ирэй то секон. Ясукуни но синсе [Упокоение и вызов душ. Идеология Ясукуни]. Токио, 2006. С. 202.
14. *Ооз Синобу.* Указ. соч. С. 11.
15. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 11–13.
16. Там же. С. 13.
17. *Мураками Сигэеси.* Указ. соч. С. 204.
18. Там же. С. 205.
19. История Японии, 1868–1998: Учеб. пособие. М., 1998. Т. 2. С. 553.
20. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 25–27.
21. Ревностный защитник имперской политики Японии и противник послевоенных демократических преобразований, профессор Университета Мэйсэй Кэйитиро Кобори в книге “Ясукуни дзиндзя и японцы” пишет: “Послевоенная демократия сделала японцев низкими и даже внешне неприглядными... Видимо, как рефлекс на то презрение и отвращение, которые вызывают импортная идеология “послевоенной демократии” и ее последователи, усиливается любовь к Ясукуни дзиндзя”. *Кобори Кэйитиро.* Ясукуни дзиндзя то нихондзин [Храм Ясукуни и японцы]. Токио, 2005. С. 4.
22. *Мураками Сигэеси.* Указ. соч. С. 208–209.
23. Там же. Указ. соч. С. 212–213.
24. Там же. С. 214.
25. Там же. С. 216–217.
26. Там же. С. 218–219.
27. *Такахаси Тэцую.* Ясукуни мондай [Проблемы Ясукуни]. Токио, 2005. С. 65.
28. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 152–153. Совет представителей почитателей Ясукуни включал весьма влиятельных политиков и представителей делового мира — например, бывшего мэра Токио Рютаро Хигаси и председателя Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано (Там же. С. 152).
29. Там же. С. 114–116.
30. Там же. С.142–143. В доказательство частного характера визита премьер-министра Т. Мики в Ясукуни 15 августа 1975 г. представители правительства указали на следующие моменты: 1) премьер-министр прибыл в храм не на служебном автомобиле; 2) он не тратил казенных денег на приобретение ветки священного дерева сакаки (клейеры) для подношения храму; 3) расписываясь в книге посетителей, не указал своей официальной должности; 4) его не сопровождали официальные лица (Там же. С. 143).
31. *Мицүти Сюхэй.* Атама о хиясу тамэно Ясукуни рон [Рассуждения о Ясукуни, призванные охладить голову]. Токио, 2007. С. 62.

32. Там же. С. 62–63. Характерно, что настоятель Ясукуни дзиндзя Нагаеси Мацудайра не был склонен идти на компромисс по поводу нарушения Накасонэ ритуала поклонения божествам Ясукуни. Действия Накасонэ во время визита в храм он оценил “проявление беспредельной невежливости к божествам”. Отношения между премьер-министром и настоятелем храма были испорчены (Там же. С. 63).
33. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 116–119.
34. Там же. С. 158–166.
35. *Ооэ Синобу*. Указ. соч. С. 58.
36. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 295–296.
37. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 8.
38. *Kingston J.* Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni // *East Asia: An International Quarterly*. 2007. Vol. 24, № 3. P. 301–302.
39. *Ibid.* P. 302.
40. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 221.
41. *Такахаси Тэцую*. Указ. соч.
42. См., например: *Окадзаки Хисахико*. Кокка сэнряку кара мита Ясукуни мондай [Проблема Ясукуни с точки зрения государственной стратегии]. Токио, 2005.
43. *Кэмбелл К.* Даматтэ иру кара бэйкоку сэйфу га сидзиситэ иру вакэ дэ ва най [То, что администрация США сохраняет молчание, не означает его поддержки] // *Рондза*. 2006. № 9. С. 77.
44. *Newsweek*. 2005. 26 oct. Цит. по: *Молодяков В.Э.* Историческая память японцев // *Япония*. Ежегодник. М., 2008. С. 298.
45. *Deans P.* Diminishing Returns? Prime Minister Koizumi’s Visits to the Yasukuni Shrine in the Context of East Asian Nationalism // *East Asia. An International Quarterly*. 2007. Vol. 24. № 3. P. 280.
46. *Asahi Shimbun/International Herald Tribune*. 2006. 16 Aug.; *Deans P.* *Op. cit.* P. 276.
47. *Deans P.* *Op. cit.* P. 277.
48. *Емиури симбун*. 2006. 16 авг.
49. *Przystap J.J.* Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations: Progress in Building a Strategic Relationship. — www.csis.org/media/isis/pubs/0802qjapan_china.pdf.
50. *James J. Przystap.* Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations. Gyoza, Beans and Aircraft Carriers. — www.csis.org/media/isis/pubs/0804qjapan_china.pdf.
51. *Kang D.* University of South California. Ji-Young Lee, Georgetown University. Japan-Korea Relations. Pyongyang ‘s Belligerence Dominates. — www.csis.org/media/isis/pubs/0902qjapan_korea.pdf.
52. Премьер-министры Японии, представлявшие Социалистическую партию Японии — Т. Катаяма в 1947–1948 гг. и Т. Мураяма в 1994–1996 гг. — не посещали храм Ясукуни по идеологическим мотивам. Заявление премьер-министра Т. Мураямы 15 августа 1995 г. по поводу 50-летия окончания второй мировой войны, в котором содержалось извинение за то, что Япония “своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других, особенно азиатских стран”, вызвало большой резонанс в Японии и за рубежом.
53. *Kang D.* University of South California. Ji-Young Lee, Georgetown University. Japan-Korea Relations: Japan’s New Government: Hope and Optimism.- www.csis.org/media/isis/pubs/0903qjapan_korea.pdf.